

Анастасия Стародубцева

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5503-4759>

Университет им. Яна Кохановского в г. Кельце, Польша

e-mail: ana.starodubceva@gmail.com

Этнокультурная идентичность русских Украины: языковой вопрос

DOI 10.25951/4797

На сегодняшний день в условиях глобализации, развития медиапространства и миграционных процессов возникает достаточно разнородная социальная среда, что с одной стороны способствует формированию поликультурного и полиязычного общества, но с другой возникает потребность к восстановлению и обращению к национальным ценностям и этнокультурной идентичности.

Термин идентичность в исследовательской литературе обнаруживается как понимание «социокультурного содержания и глубоких исторических корней» [Luchsheva et al. 2011: 157]. Поскольку в рамках данного исследования мы обращаемся к понятию этнокультурной идентичности, отметим, что наиболее полное определение данного термина представлено в исследовании И.В. Малыгиной, и характеризуется как «сложный социально-психологический феномен, содержание которого составляет как осознание индивидом общности с локальной группой на основе разделяемой культуры, так и осознание группой своего единства на тех же основаниях, психологическое переживание этой общности, а также индивидуальные и коллективные формы ее манифестации» [Maligina 2005: 98].

Однако, что касается этнического самосознания и этнокультурной идентичности, то нередки случаи их смены и трансформации при длительном взаимодействии и проживании в границах иного этнического общества.

Роль языка в процессе формирования и функционирования идентичности многоаспектна. Анализ исследовательской литературы показывает, что язык является одним из элементов национальной идентичности, которая описывается как триединство «языка, сознания и территории», при котором «наиболее устойчивым и тождественным признаком самоидентификации индивида является язык» [Morzavchenkov 2015: 38].

Некоторые исследователи утверждают, что язык не имеет «фактического значения» при рассмотрении вопросов этнической идентичности [Renan 1990: 16], однако другие придерживаются противоположного мнения: язык – это внутренняя, определяющая черта этнической идентичности и «основная культурная ценность» [Smolicz 1993].

Язык можно определить как систему, используемую определенной группой людей, в первую очередь, нацией, идентичность которой он выражает. Следовательно, теоретически должно существовать однозначное соответствие между языками и нациями, однако это соответствие может быть нарушено, в случае если представители определенной этнической группы начинают говорить на языке отличном от их родного, но при этом продолжают идентифицировать себя со своей этнической группой, или, наоборот, в условиях иноязычного окружения происходит смена этнической идентичности. Из чего можно заключить, что этнокультурная идентичность представляет собой самовосприятие, которое должно совпадать с категоризацией, применяемой окружающими.

Таким образом, язык объединяет самоопределение человека с коллективной этнической идентичностью. По мнению Кармелы Лиебкинд, существует несколько условий, способствующих формированию этой связи. Во-первых, язык очень важен для человека как инструмент для обозначения себя и мира, во-вторых, воспитание ребенка зависит от языкового взаимодействия, в-третьих, разговорный язык – одна из важнейших характеристик этнических групп [Liebkind 1999: 143].

Языковой вопрос особенно интересен сейчас, в период глобального этнического пробуждения, когда национальные меньшинства во всем мире переопределяют и переоценивают свою идентичность, возрождают и развивают свою культуру, национальный язык и их отношения с титульными этносами стран проживания. По этой причине актуальность для исследований представляет русская диаспора постсоветского пространства.

После распада СССР и образования Российской Федерации в конце 1991 года около 25 миллионов человек оказались за пределами своей этнической родины – России. Соответственно геополитические преобразования и активные процессы становления независимых республик оказали значительное влияние на их жизнь и самоопределение.

Исследования обозначенной выше ситуации требовали учета внешнего и внутреннего аспектов. Внешний касался отношений русской диаспоры с «внешней родиной» [Suslov 2017]. Данный аспект тесно связан с политическими, социально-экономическими и идеологическими расхождениями в политических реалиях бывших союзных республик.

Говоря о внутреннем аспекте, подразумевается вероятность «этнической дискриминации» в государствах с большим процентом русского населения, а также предпринимались попытки смоделировать перспективы социальной и политической интеграции русской диаспоры [Frolova 2016].

Еще более проблематичным с концептуальной точки зрения является неизбежное различие между этническими русскими и русскоязычными. Терминологическое разнообразие ставит серьезные вопросы относительно обоснованности построения надежной исследовательской основы для изучения этнической идентичности русских и русскоязычных за пределами России.

Американский политолог Дэвид Лэйтин утверждал, что мы можем наблюдать появление «русскоязычной национальности», когда язык заменяет этническую принадлежность и выступает «ключевым маркером групповой идентичности» [Laitin 1998: 29].

Несмотря на неоднозначность и расплывчатость понятий русскоязычной и этнической русской идентичности, власти РФ стремились сформулировать и проводить последовательную политику в отношении соотечественников, подразумевая не только русскую диаспору, но и лиц, имевших гражданство СССР и владеющих русским языком.

В результате чего 24 мая 1999 года был принят закон, закрепивший понятие соотечественники и регулирующий их правовой статус. Это позволило российскому государству заявить о себе как о защитнике прав русскоязычных даже за пределами своих юридических территориальных границ. Наиболее заметным проявлением данной политики было вмешательство России в Крым, которое было охарактеризовано как мера по защите прав русскоязычных граждан, что в свою очередь дало новый виток исследования вопроса русской диаспоры, проживающей в Украине.

Согласно данным Всеукраинской переписи населения 2001 года, русские были второй по численности этнической группой на территории Украины после, соответственно, украинцев: 8334 тыс. русских составляли 17,2% всего населения государства. Таким образом, русская диаспора – это самая многочисленная в Украине и среди стран Европы, а также одна из крупнейших в мире. Эти факты позволили отдельным исследователям назвать русских «суперменьшинством» в Украине [Kravchenko 2011: 37].

Во время своего выступления на апрельском саммите НАТО в Бухаресте в 2008 году Владимир Путин заявил, что «из сорока пяти миллионов человек по официальной переписи только семнадцать миллионов русских» [см. Путин говорил НАТО ...]. Однако анализируя данные переписей населения можно предположить, что речь шла не только об этнических русских, но и русскоязычных украинцах, которые также подходят под определение ранее рассмотренного понятия соотечественники.

В СССР национальность определялась национальностью родителей и в обязательном порядке указывалась в документах удостоверяющих личность [см. Положение о ...]. После распада СССР это требование было отменено во многих постсоветских странах. В Украине до 2014 года национальность указывалась в свидетельстве о рождении, однако, в настоящее время эти графы служат для внесения информации о гражданстве родителей [см. Про затвердження положень...]. Таким образом, исключается возможность официально декларировать национальную принадлежность.

Поскольку официальная перепись неоднократно переносилась, определить нынешнее количество этнических русских, проживающих в Украине, не представляется возможным. Безусловно, их количество заметно снизилось по причине конфликта на юго-востоке страны и аннексии Крыма, однако наибольший интерес представляет часть диаспоры, оставшаяся в стране.

Кроме того, основываясь на результатах имеющихся переписей, мы видим рост численности этнических украинцев с 72,7% до 77,8%. По мнению профессора С. Кульчицкого, этнические украинцы, которые в силу обстоятельств ранее идентифицировали себя как русские, предпочли быть украинцами, хотя и продолжали коммуницировать на русском языке. Это свидетельствует о формировании значительной прослойки людей, которые считают себя украинцами, несмотря на то, что «их этнокультурная идентификация тесно связана с русскоязычной культурой» [Kulchytsky et al. 2004: 110].

Чтобы дать адекватное описание этнической структуры населения Украины, социолог Валерий Хмелько ввел понятие биэтноров, то есть людей с «двойной украинско-русской идентичностью» [Khmelko et al. 2004].

Говоря об идентичности непосредственно этнических русских Украины, требуется обратиться к исследованию российского ученого О.И. Вендиной, которая в качестве основного типа указывает «размытую идентичность». Она отмечает, что это явление характерно для большинства областей, за исключением Западной Украины», которой присуща «идентичность с выраженным комплексом неполноценности». Понятие

размытая идентичность подразумевает сложность в самоопределении между русской идентичностью и украинской. Эта ситуация возникла в результате длительного периода русификации в период СССР, который сменился периодом украинизации с момента образования независимой Украины. Кроме того, в данном случае изучение украинского языка не воспринимается негативно и признается его необходимость в «решении административных и правовых вопросов» [Vendina 2001].

Эксперт по вопросам политики и экономики Украины Тарас Кузьо выделяет «пять критериев», образующих русскую национальную идентичность:

1. «советская идентичность», характеризующаяся тем, что этнические русские определяются как «имперский народ».
2. «триединый русский народ», представляющий собой союз трех восточнославянских народов, объединенных общим происхождением и культурой.
3. «русскоязычное сообщество» формирующееся независимо от этнической принадлежности, где ключевым маркером идентичности является язык.
4. «расовая идентичность», которая встречается только «на окраинах крайне правых и непопулярна».
5. «гражданская российская национальная идентичность», основанная на принадлежности или связи с Российской Федерацией [Kuzio 2016: 3-4].

Согласно данным представленным в исследовании Тараса Кузьо, «две трети украинских солдат и Национальной гвардии в АТО¹ являются русскоязычными». Поскольку в Украине советская идентичность была популярна на Донбассе и в Крыму, где наблюдались «признаки пророссийского сепаратизма», участниками вооруженного конфликта в большинстве своем выступают русскоязычные, но одна сторона имеет проукраинские взгляды, а противоположная – просоветские [Kuzio 2016: 2].

Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день концепция триединого русского народа в различных формах находит отражение в политическом и медиадискурсе. Нередко в своих выступлениях российские политики заявляют о том, что белорусы, русские и украинцы представляют собой один народ. В качестве примера можно привести статью Президента РФ Владимира Путина опубликованную в 2021 году, в которой он детально изложил свою позицию касаясь этого вопроса [см. Об историческом...]. В своей статье он неоднократно подчеркивал духовные и цивилизационные связи двух народов, которые должны стать фундаментом для восстановления и сохранения культурного и экономического взаимодействия.

Еще одной отличительной чертой, характерной именно для русской диаспоры Украины, по мнению отдельных исследователей, является регионализм. Как отмечает украинский исследователь М. Ярмоленко, четкие проявления региональной идентичности жителей Юга и Востока Украины обусловлены «не столько этническим фактором, сколько историческим». В период независимости Украины, регионализм стал «защитной реакцией» регионов и индивидов на социально-экономический кризис в условиях трансформации общества. Именно поэтому экономические региональные элиты, будучи недовольными неудачами политической борьбы на общегосудар-

---

¹ Антитеррористическая операция – официальное название участия украинских войск в конфликте на Донбассе до 2016 года. С февраля 2018 официальное наименование – *ООС*, т.е. операция объединённых сил по обеспечению национальной безопасности и обороны, отпора и сдерживания вооружённой агрессии.

ственном уровне, использовали идею региональной идентичности для эффективной мобилизации населения, как, например, «Юго-Восточная Украинская Автономная республика, проект автономного образования, предложенный депутатами Партии регионов, который возник как ответ на события оранжевой революции осенью 2004 г.» [Yarmolenko 2012: 235].

Говоря о языковой ситуации, согласно результатам всеукраинской переписи, в 2001 украинский язык считали родным 67,5% населения Украины, что на 2,8% больше, чем по данным переписи 1989 г, проведенной в СССР. Русский язык определили как родной 29,6% населения, по сравнению с всесоюзной переписью этот показатель уменьшился на 3,2%.

В межнациональных браках между представителем русского этноса и нерусского наблюдалась явная тенденция к использованию русского языка среди родителей и к предпочтению русского языка в качестве первого языка, выбранного для детей [Haarmann, Holman 1997: 120].

Однако разница в данных Всеукраинской переписи населения 2001 года и социологических данных также может быть обусловлена методикой проведения опроса. Всеукраинская перепись не разграничивала понятия родной язык и язык повседневного общения. Как отмечает канадский исследователь, профессор Оттавского университета Д. Арель респонденты понимали вопрос о «родном языке» как о «языке их национальности». То есть этот выбор указывает скорее на национальную идентичность, а не на языковую принадлежность [Arel 2002: 213].

Если обратить внимание на данные социологических исследований проведенных в более поздний период ситуация выглядит иначе. По результатам социологического исследования Института социологии НАН Украины, проведенному в 2008 году 65,1% респондентов родным языком назвали украинский, а 33,1% – русский [Golovakha 2008: 34].

Согласно данным исследования украинского центра экономических и политических исследований им. Александра Разумкова [см. Идентичність громадян ...], проведенного в 2015 году, украинский язык считают родным 95% украиноязычных, 40% двуязычных и 9% русскоязычных респондентов. Русский язык является родным для 1% украиноязычных, 7% двуязычных и 55% русскоязычных респондентов. Оба языка считают родными в равной степени 4% украиноязычных граждан, 51% двуязычных и 32% русскоязычных.

Кроме того, данный соцопрос учел языковой выбор в различных социолингвистических ситуациях. Вне дома 89% украиноязычных респондентов общаются на украинском или преимущественно на украинском языке, а 87% русскоязычных – на русском или преимущественно на русском. Среди двуязычных граждан 86% общаются иногда на русском, иногда на украинском языке.

Статус государственного и официального языка только для украинского поддерживают 76% украиноязычных граждан, 47% двуязычных и 25% русскоязычных. В русскоязычной среде 34% хотят предоставления русскому языку официального статуса в некоторых регионах, а еще 33% – статуса государственного языка наряду с украинским. Последнюю мысль поддерживают лишь 4% украиноязычных граждан.

Как отмечают исследователи, для большинства русскоязычных жителей Украины главным символом сохранения их идентичности является язык, который доминирует в их «пророссийских взглядах», в то время как в отношении остальных проблем укра-

инско-русского взаимодействия они занимают компромиссную позицию [Vasyutynsky 2012: 54].

Таким образом, текущую языковую ситуацию можно охарактеризовать следующим способом: украинцы используют русский язык дома и в публичном общении чаще, чем русские – украинский, возможно, этот факт обуславливает стремление большей части русских к повышению статуса русского языка в Украине и усилением пророссийских ориентаций. Приведенные характеристики, прежде всего, подчеркивают важность их учета при выработке политических решений в соответствующих сферах и, особенно – при выработке и реализации целостной, внутренне согласованной политики формирования общей национальной идентичности граждан Украины.

Языковой вопрос мог стать эффективным фактором политической мобилизации в годы становления Украины как независимого государства, однако этнические русские «не чувствовали никакой угрозы своим социальным правам и национальным интересам» [Zazhigaev 2006]. В то же время многочисленность и жизненный уклад русской диаспоры, ее историческая и культурная связь с Россией обусловили стойкую самоидентификацию этнических русских. Кроме того, все эти факторы влияли на стремление к объединению с этнической родиной, а в дальнейшем стали причиной сопротивления политике украинизации.

В настоящее время обострение языкового вопроса и реализация государственных проектов в области языковой политики, привели к значительному сокращению доли русскоязычного контента в теле- и радиовещании, тем самым сократив сферу использования русского языка. Таким образом, постепенное вытеснение его из основных сфер общественной жизни, воспринималась как форма «принуждения к интеграции» [Shulga 2000: 10], и, по мнению некоторых исследователей «русских Украины начали переделывать в украинских русских» [Gorodyanenko 2009: 93].

В независимой Украине было принято несколько десятков законов и нормативно-правовых актов, касающихся языкового вопроса. Обсуждения проблемы статуса русского языка и сфер его функционирования неоднократно выполняли функцию инструмента в политической борьбе, «начиная с первого президента страны – Л. Кравчука, затем Л. Кучмы, которые выигрывали свою президентскую кампанию благодаря русскому языку» [Gorodyanenko 2009: 93]. То есть их предвыборные кампании были ориентированы на русскоговорящие регионы и подпитывались обещаниями обеспечить русскому языку статус второго государственного.

Реформы коснулись и сферы образования. В 2017 году власти Украины приняли закон, согласно которому школьное образование должно осуществляться на государственном языке – украинском. Позднее 16 января 2020 года Верховная Рада Украины приняла закон о среднем образовании, который 13 марта был подписан Президентом Владимиром Зеленским. Данный закон решал многие проблемы в сфере школьного образования и также затрагивал языковой вопрос.

Согласно изменениям, с 1 сентября 2020 года на русском языке могут обучаться только ученики начальных классов (с 1 по 4), а уже в старших классах не менее 80% дисциплин должны читаться на украинском языке. В настоящее время у представителей русской диаспоры нет возможности получения образования полностью на родном языке, однако Президент Украины В. Зеленский в своем выступлении, которое было приведено в российском издании РИА Новости, отметил: «а хотите русскую школу

– давайте украинскую школу откроем в Москве, в Санкт-Петербурге, в Тюмени, где много украинцев живет» [см. Зеленский ...].

В Украине на сегодняшний день функционируют российский центр науки и культуры и представительство Россотрудничества в Киеве, а также русские центры в различных городах, целью которых является развитие и укрепление российско-украинских взаимоотношений, а также разработка и реализация проектов, направленных на поддержку русского языка и культуры.

Несмотря на то, что на сегодняшний день все вышеуказанные организации продолжают функционировать, в медиапространстве периодически поднимается вопрос национальной идентичности русской диаспоры и ее правового статуса. Новым импульсом для обсуждений послужил закон о коренных народах, подписанный Президентом Украины Владимиром Зеленским, согласно которому коренными народами Украины являются караимы, крымчаки и крымские татары.

Данный закон вызвал обеспокоенность со стороны российских властей, так как, по их мнению, он не соответствует нормам международного гуманитарного права и может отрицательно отразиться на положении русской диаспоры. Этот момент был упомянут в статье Президента РФ В.В. Путина, где он говорит о том, что «русских на Украине заставляют не только отречься от своих корней, от поколений предков, но и поверить в то, что Россия – их враг» [см. Об историческом единстве...]. Также этот вопрос был затронут во время Прямой линии с Президентом РФ 30 июня 2021 года, где он высказался о том, что «это приведет к тому, что часть людей может уехать, ... чтоб не чувствовать себя людьми второго сорта».

Таким образом, в российском медиапространстве данные события представлены как принудительная смена идентичности русских граждан. Несмотря на то, что украинские власти неоднократно давали комментарии, касаясь вышеуказанного закона и объяснения понятий коренные народы и национальные меньшинства в контексте данного законопроекта, мы видим, что вопрос идентичности русской диаспоры стоит как никогда остро и требует объективной оценки и дополнительных разъяснений.

Военный конфликт на востоке Украины отодвинул языковые вопросы на второй план, однако вопрос о будущем русского языка и русской диаспоры в Украине остается чрезвычайно деликатным, открытым для политических манипуляций и потенциально способным усилить напряженность в будущем.

С обретением независимости Украина выбрала путь формирования государства на демократических началах, взяв за основу политическую, а не этническую идентичность. Поэтому интеграция многомиллионной русской диаспоры в период формирования нового государства стала приоритетной задачей правительства.

Проведя анализ различных статистических исследований и социологических опросов за последние 30 лет в Украине, можно определить ряд типичных для русской диаспоры характеристик. Во-первых, можно отметить размытость национальной идентичности. Это может быть тесно связано с культурной, языковой, духовной и исторической близостью двух этносов, что не наблюдается в странах Центральной Азии, где идентичность русской диаспоры проявляется достаточно четко. Также можно отметить доминирование регионального уровня идентификации над этническим, это относится в первую очередь к таким регионам как Донбасс и АР Крым.

До крымских событий, анализируя в том числе и законопроекты, касающиеся языковой политики, отмечается возможность полного удовлетворения культурных запро-

сов русскоязычного гражданина и отсутствие реальной угрозы их ущемления, а потому, соответственно, малоинтенсивная деятельность, направленная на защиту этих прав, в том числе и со стороны Российской Федерации.

Говоря о проблеме сохранения родного языка для каждого этноса, важно отметить, что это в большей степени вопрос сохранения самобытности и традиций. В настоящее время на постсоветском пространстве риск потери языка и культуры для русской диаспоры не стоит столь остро, т.е. риск ассимиляции по-прежнему минимален, однако в долгосрочной перспективе можно предположить, что при оттоке русских и русскоязычных из постсоветских республик на этническую родину возможно постепенное растворение русской диаспоры в этих регионах.

Бібліографія

- AREL, D. (2002), Interpreting Nationality and Language in the 2001 Ukrainian Census. *Post-Soviet Affairs*. 18, 213–249.
- FROLOVA, I.G. (2016), Diskriminatsiya russkogo naseleniya v stranakh SNG. *Sistema tsennostey sovremennogo obschestva* 46, 76–79 [Фролова, И.Г., Дискриминация русского населения в странах СНГ. Система ценностей современного общества. 46, 76–79].
- GORODYANENKO, V. G. (2009), Polozheniye russkikh v Ukraine i problemy ikh identichnosti. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 1, 89–96 [Городяненко, В.Г., Положение русских в Украине и проблемы их идентичности. Социологические исследования. 1, 89–96].
- HAARMANN, H., HOLMAN, E. (1997), Acculturation and Communicative Mobility among Former Soviet Nationalities. *Annual Review of Applied Linguistics*. 17, 113–137.
- HOLOVAKHA, YE., PANINA, N. (2008), *Ukrayinske suspilstvo 1994-2000*. Kiyiv: Vidavnytstvo Sofiya [Головаха, Є., Панина, Н., Українське суспільство 1994-2000. Київ: Видавництво Софія].
- Identychnist hromadyan Ukrayiny: zminy, tendentsiyi, rehionalni osoblivosti. V: *Natsionalna bezpeka i oborona*, https://razumkov.org.ua/uploads/journal/ukr/NSD161-162_2016_ukr.pdf (30.07.2021) [Ідентичність громадян України: зміни, тенденції, регіональні особливості. В: *Національна безпека і оборона*].
- Itogi Vsesoyuznoy perepisi 1989 goda*, https://sovethnational.ru/netcat_files/64/86/Perepis_RSFSR_1989_g..pdf (27.07.2021) [*Итоги Всесоюзной переписи 1989 года*]
- KNILKHANOVA, E. (2004), Language and Ethnic Identity of Minorities in Post-Soviet Russia: The Buryat Case Study. *Language Identity and Education*. 3(2), 85–100.
- KHMELKO, V.E., OSKAMITNAYA, S.N. (2004), Russko-ukrainskaya bietnicheskaja identichnost i lingvo-etnicheskaya geterogennost v Ukraine. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 3, 66–78 [Хмелько, В.Е., Оскамитная, С.Н., Русско-украинская биэтническая идентичность и лингво-этническая гетерогенность в Украине. Социология: теория, методы, маркетинг. 3, 66–78].
- KRAVCHENKO, O. (2011), Sotsiokulturniy status rosiyan v Ukrayini ta problemi formuvannya natsionalnoyi identichnosti. *Naukovi zapisky. Istorichni nauki*. 117, 35–40 [Кравченко, О., Соціокультурний статус росіян в Україні та проблеми формування національної ідентичності. Наукові записки. Історичні науки. 117, 35–40].
- KULCHYTSKY, S. V., PARAKHONSKY, B. O. (2004), *Ukrayina i Rosiya v istorichniy retrospektivi. Novitniy ukrayinskiy derzhavotvorchiy protses*. Kiyiv: Naukova dumka [Кульчицький, С.В., Паракхонський, Б.О., Україна і Росія в історичній ретроспективі. Новітній український державотворчий процес. Київ: Наукова думка].

- KUZIO, T. (2016), *Russian National Identity and the Russia-Ukraine Crisis. Security Policy Working Paper*. 20, 1–4
- LAITIN, D. (1998), *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Cornell University Press.
- ЛИБКИНД, К. (1991), Social Psychology. In: F. Joshua A., ed., *Language and Ethnic Identity*. Oxford: Oxford University Press, 141–151.
- ЛУЧШЕВА, Е. В., ПРЕСНЯКОВА, Л. В. (2011), К вопросу о сотиокультурной идентичности. Территория новых возможностей. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 2 (11), 156–161 [ЛУЧШЕВА, Е. В., ПРЕСНЯКОВА Л. В., К вопросу о социокультурной идентичности. Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2 (11), 156–161].
- MALIGINA, I. V. (2005), *Etnokulturnaya identichnost: ontologiya, morfologiya, dinamika*. Moskva [МАЛЫГИНА, И. В., Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика. Москва].
- MORZAVCHENKOV, G. A. (2015), *Yazik kak faktor etnokulturnoy identichnosti*. Nizhniy Novgorod [МОРЗАВЧЕНКОВ, Г. А., Язык как фактор этнокультурной идентичности. Нижний Новгород].
- Ob istoricheskom edinstve russkikh i ukrainsev. V: *Prezident Rossii*. [http:// kremlin.ru/events/president/news/66181](http://kremlin.ru/events/president/news/66181) (dostup 20.08.2021) [Об историческом единстве русских и украинцев. В: *Президент России*].
- Polozheniye o pasportnoy sisteme v SSSR*, https://docs.cntd.ru/document/900_3816 (dostup 20.07.2021) [*Положение о паспортной системе в СССР*].
- Pro zatverdzhennya polozhen pro pasport hromadyanyna Ukrayiny № 2503-XII*, https://zakon.rada.gov.ua/cgi_bin/laws/main.cgi?nreg=25_03-12#Text (08.07.2021) [*Про затвердження положень про паспорт громадянина України № 2503-XII*].
- Putin govovil NATO, chto Ukraina – slozhnoye gosudarstvo. V: *Ukrainskaya Pravda*. <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2008/04/18/4438157/> (20.06.2021). [Путин говорил НАТО, что Украина – сложное государство, В: *Украинская Правда*].
- RANCOUR-LAFERRIERE, D. (2001), *Russian Nationalism from an Interdisciplinary Perspective: Imagining Russia*. Lewiston, NY: The Edwin Mellen Press.
- RENAN, E. (1990), *What Is a Nation? Nation and Narration*. London: Routledge.
- SHULGA N. A. (2000), *Russkaya kultura v Ukraine: krizisi identichnosti*. Dialog ukrainской i russkoj kultur v Ukraine. 10 [ШУЛЬГА, Н. А., Русская культура в Украине: кризисы идентичности. Диалог украинской и русской культур в Украине. 10].
- SMOLICZ, J. (1997), Language Policies and Minority Rights: Australia and the Philippines. *Curriculum and Teaching: International Review of Curriculum and Teaching*. 11, 77–94.
- SUSLOV, M. (2017), Russkiy mir: politika Rosii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom. *Russie. Nei. Visions*. 103, 5–31 [СУСЛОВ, М., Русский мир: политика России в отношении соотечественников за рубежом. *Russie. Nei. Visions*. 103, 5–31].
- VASYUTYNSKY, V. O. (2012), *Rosiysskomovna spilnota v Ukrayini: sotsialno-psihologichnij analiz*. Kirovohrad: Imeks-LTD [ВАСЮТИНСЬКИЙ, В. О., Російськомовна спільнота в Україні: соціально-психологічний аналіз. Кіровоград: Імекс-ЛТД].
- VENDINA, O. I. (2001), Russkiye za rubezhami. *Geografiya. Pervoye sentyabrya*. 11, 19–24 [ВЕНДИНА, О. И., Русские за рубежами. География. Первое сентября. 11, 19–24].
- Vseukrainskaya perepis naseleniya 2001 goda*. <http://2001.ukrcensus.gov.ua> (dostup 08.07.2021) [*Всеукраинская перепись населения 2001 года*]
- YARMOLENKO, M. I. (2012), *Rehionalni osoblivosti etnokulturnikh protsesiv v Ukrayini u radyansku i postradyansku dobi*. Lviv [ЯРМОЛЕНКО, М. И., Регіональні особливості етнокультурних процесів в Україні у радянську і пострадянську доби. Львів.]

ZAZHIGAYEV, B.V. (2006), Russkaya diaspora v nezavisimoy Ukraine. *Rossiya v globalnoy politike*. 4, 163–172 [ЗАЖИГАЕВ, Б.В. (2006), Русская диаспора в независимой Украине. Россия в глобальной политике. 4, 163–172].

Zelenskiy postavil Rossii uslovie dlya otkritiya na Ukraine russkikh shkol. V: *RIA Novosti*, <https://ria.ru/20210803/dozhd-1744096080.html> (16.06.2021) [Зеленский поставил России условие для открытия на Украине русских школ. В: *РИА Новости*].

Anastasiya Starodubtseva

Jan Kochanowski University of Kielce, Poland

Ethnocultural identity of Russians in Ukraine: the language issue

S u m m a r y

Language is one of the crucial components of national identity. The policy of the Soviet regime led to an imbalance in the functioning of the state and national languages in the union republics, which in turn caused difficulties in ethnocultural identity. Against the background of large-scale geopolitical changes in the twentieth century, such as the collapse of the USSR and the formation of independent national republics, there was a crisis of national identity among the representatives of the Russian diaspora.

This study raises the issue of the relationship between language and identity, as well as the preservation of the ethnocultural identity of Russians living in the former Soviet republics in the context of globalization processes.

Keywords: identity, Russian diaspora, language issue, mentality, self-consciousness.

Zasady etyki publikacyjnej czasopisma

Po przyjęciu artykułów do druku autor otrzymuje do podpisania umowę z UJK potwierdzającą własne autorstwo, nienaruszanie praw innych osób oraz to, że praca wcześniej nie była publikowana.

Kolegium Redakcyjne kieruje się zasadami etycznymi dla autorów publikacji w czasopiśmie naukowych, opracowanymi przez COPE:

The Committee on Publication Ethics, <https://publicationethics.org/>

Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors:

https://publicationethics.org/files/Code_of_conduct_for_journal_editors_Mar11.pdf

Zachęcamy również recenzentów do przestrzegania zasad etycznych przedstawionych w dokumencie COPE:

Ethical Guidelines for Peer Reviewers

Правила публикационной этики журнала

После принятия статей к публикации автор получает на подпись договор УЯК, гарантирующий его авторство, соблюдение авторских прав третьих лиц, а также то, что работа прежде нигде не печаталась.

Редакция руководствуется правилами научной этики для авторов научных публикаций, изложенными COPE.

The Committee on Publication Ethics, <https://publicationethics.org/>

Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors:

https://publicationethics.org/files/Code_of_conduct_for_journal_editors_Mar11.pdf

Мы призываем также наших рецензентов соблюдать этические принципы, изложенные в документе COPE:

Ethical Guidelines for Peer Reviewers

Principles of the journal's publication ethics

After accepting articles for printing, authors sign an agreement confirming authorship and non-violation of third-party rights and denying that the work has been published before.

Editorial Board follows a code of ethics for journal editors formulated by COPE:

The Committee on Publication Ethics, <https://publicationethics.org/>

Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors:

https://publicationethics.org/files/Code_of_conduct_for_journal_editors_Mar11.pdf

We also encourage reviewers to obey by the code of ethics presented in the COPE document:

Ethical Guidelines for Peer Reviewers